

Больше думать и размышлять не пришлось. Он разыскал риелтора и выкупил недвижимость, испытывая едкое удовлетворение от того, что теперь она обошлась ему дешевле, чем та, за которую он ее продал. Ему все еще было горько от того, что все эти годы он якобы терял в цене.

На обратном пути он столкнулся с парой сопляков, которым предложил заплатить за уборку, пока он будет обставлять свой новый/старый дом. После некоторого торга они согласились, и Ками Кадзухиро был рад, что у него наконец-то появились деньги. Он считал, что это необходимая трата для дальнейшего благополучия Касайки, поскольку их новый дом, несомненно, был грязным, а пыль не может быть полезна для крошечных легких ребенка. А разве доктор не сказал, что у нее уже есть проблемы с дыханием? Да, это было невероятно необходимо.

Он без труда нашел всю необходимую мебель, бывшую в употреблении (а может, и одиннадцатую), и потратил большую часть дня на то, чтобы перетащить все это в свой дом. Как только он счел, что ребята достаточно хорошо справились с уборкой пыли и паутины, он расплатился с ними и отправился знакомиться с соседями. Не из стремления к общению, а в надежде, что они окажутся родителями, готовыми помочь ему в трудную минуту. У него возникло ощущение, что он столкнется со многими из них.

В доме через дорогу от его собственного он нашел золотую жилу.

"Кадзухиро-кун!" - воскликнула матрона, едва взглянув на него. "Боже мой, как давно это было!"

Ему потребовалось неловкое время, чтобы вспомнить ее имя. "Хамамото-сан", - поприветствовал он. "Очень приятно видеть вас снова".

"Зовите меня Аканэ-обасан", - настаивала она, хотя до его переезда они никогда не были так близки. Но это только навредило бы его делу, поэтому он ухватился за эту фамильярность обеими руками.

"Акане-обасан, - согласился он с натянутой улыбкой. "Прошло слишком много времени. После смерти родителей я был вынужден продать наш дом, чтобы свести концы с концами. Прошу простить меня за то, что не попрощался с вами должным образом - я был так расстроен".

"Не за что прощать", - твердо сказала она. "Вы были так молоды, всего тринадцать лет. Я могу только представить, каково вам было".

"Это было нелегко", - сказал он. Это было сильное преуменьшение. "Но шиноби - это тот, кто выдерживает. Это заложено в названии".

Аканэ неодобрительно хмыкнула. "Но шиноби - люди, мне ли не знать. Я родила одного из них".

Слава ками. Он никогда не знал, что у Аканэ были дети; учитывая возраст женщины, они, скорее всего, были старше его на порядок. Если они еще живы. Он не стал спрашивать, вдруг нет. В данный момент этот разговор был ему не по зубам.

"К вопросу о рождении", - сказал он. "Мой крестный - не знаю, встречались ли вы, Имаи Хисаши, - он и его жена были убиты Листом нин, оставив после себя новорожденную дочь. Ни у кого из нас не было семьи, к которой можно было бы обратиться, поэтому я удочерил ее".

"Усыновила?" - зашипела женщина. "Но тебе всего шестнадцать!"

"У меня не было другого выхода", - сказал он, изо всех сил стараясь подавить гнев. Да, ему было шестнадцать. И нет, он не был готов. Он не знал, будет ли когда-нибудь готов. Но дело было не в этом. "Я понимаю твои опасения, поверь мне. Я тоже их чувствую. Но это не меняет реальности. Я уверен, что даже этот шестнадцатилетний подросток может дать девочке лучшую жизнь, чем та, которую она могла бы получить в приюте, и я обязан попытаться сделать это перед ее отцом".

Аканэ резко вдохнула, но Кадзухиро продолжал. "Но я не могу сделать это один". Он тяжело вздохнул и, несмотря на ее протесты, опустился перед ней на колени. "Я умоляю тебя. Не могли бы вы помочь мне справиться с этим? Потому что я, - задыхался он. "Я только что потерял единственного человека, который у меня остался. И я не знаю, что делать".

Хотя он не гордился этим, он намеревался использовать манипулятивный подход, и в какой-то степени он все еще им был. Но казалось, что день догнал его. Притворство исчезло, и все, что он мог, - это быть искренним.

"Кадзухиро-кун, - сказала она, положив морщинистую руку ему на щеку. "Подними голову. Пожалуйста".

Он не смог, потому что слезы текли по его подбородку, и каждая из них весила целую тонну. Аканэ вздохнула.

"Эта война отняла так много у многих. Я очень уважаю тебя за все, чем ты пожертвовал, и восхищаюсь тем, что ты усыновил этого ребенка. Конечно, я помогу тебе, чем смогу".

"Спасибо. От всего сердца благодарю вас". Он попытался взять себя в руки, но эта задача оказалась почти невыполнимой. Но ради Касайки он мог притвориться.

"Yoroshiku onegaishimasu, Akane-obasan-sensei", - пошутил он и воспринял легкое хихиканье как победу.

--- { □□□□ } ---

В фанфиках я полагал, что обычные люди, трансмигрировавшие в стихийные страны, будут автоматически осознавать собственную чакру, поскольку энергия была настолько чужеродной, что не могла не выделяться, иногда до такой степени, что вызывала легкий или сильный дискомфорт. Но это было бы слишком удобно.

Чакра была иллюзорной. Настолько иллюзорной, что, если бы мне снова и снова не повторяли, что чакра существует во всем живом и неживом в этом мире, я бы бросил поиски. Однако в младенчестве у меня не было ничего, кроме времени.

Если бы не добрый доктор, я бы даже не представлял, с чего начать. Когда он прочищал мои легкие - опыт, который, уверяю вас, я постараюсь не повторять, - он использовал то, что я принял за медицинскую чакру. Я не уверен, канон это или фэнон, но я помню что-то о том, что тело отторгает чужеродную чакру, и что медицинские дзюцу работают, формируя чакру создателя в нечто, что тело может принять. Объяснение, похоже, соответствовало тому, что я испытал; все, что я чувствовал в процессе, - это вода, бурлящая внутри меня. Одна мысль об этом вызывала у меня тошноту.

<http://tl.rulate.ru/book/103119/3592249>